

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-3-550-572

УДК 159.923

Исследовательская статья

Страх смерти у людей зрелого возраста с христианской самоидентификацией

А.А. Баканова¹, И.А. Горьковая²

¹Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48

²Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, Российская Федерация, 194100, Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2

 ba2006@mail.ru

Аннотация. Одной из функций религии является ее способность восполнить дефициты в бытии человека и общества, среди которых важное место занимает осознание человеком своей смертности. В психологических теориях религия часто выступает как адаптивная стратегия, смягчающая страх перед смертью. Однако эмпирическая проверка связи религиозности и выраженности страха смерти получает как в отечественных, так и в зарубежных публикациях противоречивые данные, связанные с необходимостью учитывать большое количество переменных, а также нелинейную связь между религией и страхом смерти. В исследовании предпринята попытка изучить взаимосвязь христианской самоидентификации и осознаваемых компонентов страха смерти у 118 мужчин и женщин в различные периоды зрелого возраста (40–50 и 51–65 лет). Для изучения осознаваемых компонентов страха смерти использовалась методика «Страх личной смерти», а для изучения отношения к смерти использовалось феноменологическое интервью. Для обработки полученных данных применялся *U*-критерий Манна – Уитни, корреляционный анализ Пирсона и феноменологический анализ интервью. Установлено, что христианская религиозная самоидентификация в зрелом возрасте положительно взаимосвязана с осознаваемым страхом смерти, а также имеет возрастную и половую специфичность. В целом делается вывод о том, что для объяснения связи христианской самоидентификации с высоким уровнем страха смерти необходимо анализировать ту роль, которую выполняет религиозное мировоззрение в осмыслении человеком своего жизненного пути. На основе результатов исследования можно предположить, что ведущим мотивом в выборе христианской самоидентификации выступает не столько преодоление страха личной смерти, сколько поиск эффективных способов совладания с трудными жизненными ситуациями. Именно поэтому христианская самоидентификация не способствует снижению страха личной смерти, отвечая в большей степени на другие мотивы, связанные с необходимостью «совладать с жизнью». Показано, что религиозность не является универсальным инструментом, позволяющим однозначно снижать страх перед смертью.

Ключевые слова: религиозная идентичность, христианство, христианская самоидентификация, страх смерти, осознаваемые компоненты, совладание

Благодарности и финансирование. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00574.

Введение

Одним из предположений, существующих в философии и психологии в отношении религии, считается идея о том, что религия – это своеобразный ответ человечества на осознание своей смертности. Так, например, французский философ А. Бергсон считал, что религия, помимо функции, связанной с сохранением общества, выполняет более сложную задачу, выступая как «защитная реакция природы против созданного умом представления о неизбежности смерти» (Бергсон, 1994). Образ продолжения жизни после смерти уравнивает, с его точки зрения, идею о неизбежности смерти. Недаром в ведущих мировых религиях, по словам С.А. Корнева и В.В. Смирнова, «смерть чаще понимается не как конец личного бытия, а как момент радикального ее изменения, за которым жизнь приобретает в таинстве смерти новую сущность и продолжается в иных формах» (Корнев, Смирнова, 2018).

Как пишет в этой связи современный исследователь Р.Ш. Сафин, «многие философские труды и научные исследования дают основание для вывода о том, что религиозное сознание и религиозная картина мира имеют свои особенности в вопросах восприятия человеком феномена будущей смерти, и религия может быть использована в качестве средства против страха смерти» (Сафин. Философские..., 2019а). О психотерапевтической функции религий говорил в своих работах К.Г. Юнг, обозначая их как «сложные системы приготовления к смерти» и как «системы психотерапии», позволяющие «избавить от страданий человеческое сознание» (Юнг, 2007). Несомненно, у религии гораздо больше функций, но в данной статье мы сосредоточимся именно на этой, которую известный российский религиовед И.П. Яблоков относит к компенсаторной, понимая под ней способность религии восполнить дефициты в бытии человека и общества (Яблоков, 2011).

Религиозность как защита от страха смерти в психологических теориях

Одним из таких значимых «дефицитов» в бытии человека является осознание своей смертности. Человек, сделавший, по словам французского философа В. Янкелевича, «попытку помыслить смерть», встречается со страхом. Страх – это естественный ответ на непознаваемость смерти, ее неотвратимость и неизбежность. Так, согласно теории управления страхом (Terror Management Theory, ТМТ), предложенной Т. Писжински, Дж. Гринбергом и Ш. Соломоном (1986) на основе работ культурного антрополога Э. Беккера, страх является единственным типом отношения к смерти. И для того, чтобы справиться с ужасом, возникающим при обращении к небытию, человек может задействовать два основных буфера: культурную картину мира и самооценку. «Культурная картина мира включает в себя представления о мире, принятые в данном обществе, включая религиозные представления и ценности. Разделение этих ценностей и представлений дает человеку чувство «символического бессмертия», в котором раскрывается идея о том, что после физической смерти человека он будет продолжать существование в виде смыслов и ценностей, принятых в данном обществе» (Дмитриева, 2021). По словам Т.А. Гавриловой, «самоуважение индивида рассматривается здесь как сте-

пень его соответствия тем или иным культурным нормам и мировоззренческим идеям» (Гаврилова, 2014).

В целом теория управления страхом выделяет пять основных переменных, которые могут помогать справляться со страхом смерти, среди которых – религиозные взгляды. Как пишет А.В. Ленько, ссылаясь на эмпирические исследования в рамках ТМТ, «чем больше религиозность и социальная поддержка, выше самооценка и социальный статус, тем меньше страх перед неизвестным» (Ленько, Складнева, 2021). Эти результаты как будто подтверждают общую идею о религии как о буфере между личностью и страхом смерти. Но не стоит забывать при этом, что в научной литературе существует не меньше пяти направлений критики некоторых положений теории управления страхом, в том числе в отношении культурного мировоззрения и самооценки (Гаврилова, 2014; Щебетенко, 2010).

Говоря про отношение к смерти, необходимо отметить, что помимо страха человек может демонстрировать другие типы отношения к ней. Эта идея развивается в рамках теории управления смыслом (Meaning Management Theory, ММТ), предложенной Полом Вонгом и соавт. (1994, 2007). Как пишет об этой теории Е.Л. Солдатова, она «базируется на экзистенциально-гуманистических представлениях и фокусируется на положительных аспектах феномена смерти. Предметом исследований в этой теории являются механизмы смысловых процессов: поиск смысла, смыслообразование и его трансформация» (Солдатова, 2018). В своей теории Вонг описывает пять типов отношения к смерти, среди которых три типа ориентированы на принятие смерти. Такой подход показывает, что человек может наполнять свою жизнь смыслом, несмотря на осознание смертности.

Таким образом, исследовательское поле отношения к смерти представлено теориями, базирующимися на разных методологиях, но в то же время позволяющих исследовать не только страх смерти, но также другие варианты отношения личности к этому феномену. Религиозные взгляды, как мы видели выше, могут рассматриваться как одна из «адаптивных стратегий, «обезвреживающих» смерть» (Корнев, 2018). В целом, как пишет Р.Ш. Сафин, «на протяжении большей части западной интеллектуальной истории предполагаемая связь между религией и страхом смерти характеризовалась двумя причинно-следственными связями: во-первых, страх мотивирует религиозную веру, а во-вторых, религиозная вера смягчает страх» (Сафин. Позитивное..., 2019b). Эмпирической проверки второго положения посвящен ряд отечественных и зарубежных исследований, которые получают противоречивые данные про отношения религиозности и страха смерти.

Страх смерти и религиозность в эмпирических исследованиях

Наиболее известной работой в этом контексте остается для отечественных ученых теоретический обзор эмпирических исследований в области страха смерти и религиозности, подготовленный учеными из малазийского университета Л. Эллис и Э. Вахаб в 2012 г. Упоминание о нем можно встретить в статьях Д.М. Рогозина, А.В. Юревича и Р.Ш. Сафина (Рогозин, 2013; Юревич, 2018; Сафин. Позитивное..., 2019b). Также упоминается более ранний обзор по этой проблеме, выполненный Л. Нельсон и К. Кэнтрелл (1980).

Среди отечественных эмпирических исследований в рамках данной темы можно встретить работы философов, социологов и психологов (например, Борисов, 2017; Забелина, Феньвеш, 2019; Макарова, 2014; Сафин. *Философские...*, 2019а; Сафин. *Позитивное...*, 2019б; Фоменко, Мошкович, 2013; Восковская, 2012 и др.).

Знакомство с указанными публикациями позволяет сделать следующие важные для осмысления предмета исследования комментарии:

1. Эмпирические исследования показывают, что можно выделить не менее *четырёх теорий зависимости страха смерти от религиозности*. Среди них две теории, хорошо нам известные: теория управления страхом и теория принятия смерти, а также теории буферизации и криволинейности, которые показывают, соответственно, что религия может блокировать страх смерти, сокращая неопределенность будущего за счет веры в вечную жизнь, но если верующий сомневается в том, что будет происходить с ним после смерти, то его страх будет увеличиваться, несмотря на веру (Рогозин, 2013).

2. Связь религиозности и страха смерти опосредуется целым *рядом дополнительных переменных*, среди которых выделяют: «во-первых, веру в требовательного и карающего Бога (а не просто в Бога вообще); во-вторых, уверенность в реальности «жизни» после смерти; в-третьих, укорененность религиозного учения; в-четвертых, веру в божественное прощение» (Юревич, 2018). Эти переменные могут объяснять, почему, например, верующие по сравнению с неверующими в большей степени страшатся смерти. Как пишет Г. Фейфел, «религиозные же люди боятся смерти не только из-за прекращения земного существования, но и в связи с посмертными событиями («я попаду в ад», «я еще не искупил свои грехи»)» (Фейфел, 2001). Те же аргументы приводит и Р.Ш. Сафин, говоря о том, что страх смерти у верующего может быть связан с его установками в процессе религиозного воспитания, вызывая тревогу перед страшным судом и наказанием в аду (Сафин. *Философские...*, 2019а). А.В. Юревич, ссылаясь на Н.А. Бердяева, отмечает, что «нестерпимый, предельный ужас не есть ужас смерти, а есть ужас страшного суда и ада, а стало быть, его испытывают только верующие, для которых вопрос о смерти неизбежно ведет к вопросу об аде» (Юревич, 2018).

3. В исследовании данной темы необходимо учитывать не только простую переменную религиозности, но и *уровень религиозности* верующих, который, к тому же, «является динамичным показателем и зависит от множества факторов, в том числе от уровня образования, возраста, жизненных обстоятельств, среды» (Сафин. *Философские...*, 2019а). Здесь же целесообразно вспомнить о внешней и внутренней религиозной ориентации, описанной Г. Олпортом, и лежащей в основе религиозного поведения (Олпорт, 1998). Как известно, Г. Олпорт выделял внешнюю религиозность, подразумевающую использование религии для нерелигиозных целей, и внутреннюю, основанную на глубокой внутренней работе. Примечательно в этой связи, что именно внешняя религиозность взаимосвязана с выраженной тревогой смерти.

4. Потенциал веры для решения проблемы страха смерти может зависеть не столько от религии, сколько *от личности*, так как «некоторые религиозные люди, даже в рамках одной религиозной традиции, более успешно,

по сравнению с другими, применяют тот потенциал, который заложен в их вере, для решения проблемы страха смерти» (Сафин. Позитивное..., 2019b).

5. Религиозность может предоставлять два типа преодоления страха смерти: «1) через религиозное служение; 2) с помощью ухода от соответствующих вопросов. Первый характерен для глубоко верующих людей, второй – для неверующих» (Юревич, 2018).

Таким образом, пытаясь ответить на вопрос о взаимосвязи религиозности и страха смерти, необходимо учитывать достаточно большое количество переменных. Одна из этих «переменных» представляет собой наиболее широкий контекст и связана с конкретными религиозными воззрениями, традициями и ритуалами, составляющими суть той или иной религии. Каждый верующий относит себя к определенной конфессии, что в итоге определяет его религиозное сознание. Рассмотрим ниже основные представления о смерти в христианстве.

Представления о смерти в христианстве

Как пишет С.В. Рязанова, «признание себя «верующим» свидетельствует в данном случае об осмысленности религиозного выбора, а соотнесение себя с определенной конфессией указывает на конкретный религиозно-культурный «генотип», который в конечном итоге будет определять специфику сакрального отношения и путь развития религиозной культуры данного субъекта» (Рязанова, Михалева, 2011).

По словам О.А. Макаровой, «авраамические религии предлагают человеку только одну жизнь, после окончания которой он может достигнуть одного из двух посмертных состояний – вечного блага в раю или вечных мучений в аду. То или иное посмертное состояние зависит от земной жизни. Только ряд христианских конфессий протестантского толка отрицает жизнь души после смерти, веря в Воскресение мертвых» (Макарова, 2014). В целом смерть в христианстве является «лишь переходным этапом из одной жизни в другую. Верующий для Бога был всегда жив, находясь после смерти в Церкви Небесной» (Карнаухов, 2013).

В то же время необходимо отметить такую особенность христианского учения, как связь смерти и греха: в самом широком смысле смерть трактуется в христианстве как расплата за грех и в то же время как «временной способ прекращения греха – для всеобщего возвращения к святости и совершенству» (Солдатов, 2013).

Как пишут Е.Ю. Забелина и Т.А. Феньвеш, «в теории, христианство, как и вообще религия, определенными нормативами и сформированными мировоззренческими ориентирами является главным защитным механизмом от страха смерти и обеспечивает человека необходимой ему верой и надеждой, которая подкрепляется религиозными практиками и выражается в конечном счете в виде оформленного социального института» (Забелина, Феньвеш, 2019). А. Солдатов (2013), изучая разнообразные религиозные традиции, соотносит основные типы восприятия смерти (идея смерти как абсолютного конца, различные версии представлений о реинкарнации, смерть как переход в вечную жизнь, смерть как излечимая болезнь, смерть как переобразование жизни) и средства преодоления страха смерти в соответствии с религиозными

воззрениями. В христианстве, где смерть понимается как переход в вечную жизнь, существует целый ряд традиций: исповедь, причастие, похороны на третий день после смерти подобно «тридневному погребению» Христа, отпевание. Подобный «сложный, детализованный погребальный ритуал, создающий ощущение управляемости со стороны участников ритуала процессами, происходящими с человеческой душой во время и после смерти» (Солдатов, 2013), является, по мнению автора, «эффективным способом совладания со страхом смерти. Описываемый ритуал уменьшает интенсивность всех трех типов страха смерти: «страх состояний после смерти», «страх самого акта смерти», «страх пресечения, утраты бытия» (Солдатов, 2013), которые подробно описаны с позиций философии А.С. Гагариним. Рассуждая об экзистенциале смерти в рамках философско-теологического христианского подхода, А.С. Гагарин (2001) пишет о том, что смерть должна быть освященной, публичной, так называемой правильной. Достигнуть этого возможно при соблюдении многослойных коллективных ритуальных процедур, что приводит к спасению и победе над смертью через принятую в европейской христианской культуре троичную модель: рай – чистилище – ад (Гагарин, 2001).

Подводя итог теоретическому обзору, можно отметить, что основными теоретико-методологическими основаниями нашего исследования выступают следующие позиции:

– во-первых, функциональный подход к объяснению религии, предполагающий наличие у нее ряда функций, в том числе компенсаторной, позволяющей человеку восполнять бытийные дефициты, одним из которых является осознание своей смертности;

– во-вторых, теория управления смыслом, выделяющая пять типов отношения к смерти, которые могут взаимодействовать друг с другом;

– в-третьих, наличие четырех основных теоретических подходов к объяснению зависимости между страхом смерти и религиозностью, что предполагает исследование именно дополнительных переменных религиозной самоидентификации (уровень религиозности, возраст, жизненные обстоятельства и др.);

– интерпретация представлений о смерти с учетом христианского понимания смерти как переходного этапа из жизни земной в жизнь вечную.

В целом, как мы видим, религиозность не является универсальным инструментом, позволяющим однозначно снижать страх перед смертью: слишком много различных переменных могут участвовать в этом процессе, оказывая влияние как на индивидуальные способы совладания со страхом смерти, так и на религиозные представления верующих. Эти противоречия позволяют описать конкретную научную проблему – роль религиозности в переживании и совладании со страхом смерти. Стоит отметить, что эта формулировка является частью фундаментальной проблемы – роли отношения к смерти (и в частности, страх смерти) в становлении личности.

Программа исследования: цель, материалы и методы

Осмысление феномена страха смерти и его преодоление в разных религиозных традициях осуществляется преимущественно в рамках философских изысканий. Однако в последнее десятилетие стало появляться все больше

эмпирических исследований на эту тему, как в рамках социологии, так и психологии. Этот интерес обусловлен еще и тем, что, как пишут А.В. Ленько и В.В. Складнева, «согласно данным социологических опросов за 2004–2019 гг., озабоченность россиян страхом смерти была стабильно выше 50 %. С началом пандемии коронавируса страх смерти получил новый импульс для развития, подобно тому, как в переходном 1994 г. он был на 16 % выше уровня 2019 г.» (Ленько, 2021).

В данной статье хотелось бы обсудить некоторые результаты исследования, проведенного нами в 2013–2014 гг. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области и ориентированного на изучение роли страха смерти в переживании нормативного кризиса средней зрелости. В качестве объекта исследования был выбран нормативный кризисный период средней зрелости, который, согласно концепции Э. Эриксона, охватывает возрастной период от 40–45 до 60 лет. Следует отметить, что переход к зрелости (40–45 лет) характеризуется как кризисный этап, связанный с осознанием утраты молодости, а переход к позднему возрасту (55–65 лет) является одним из значимых кризисов, так как связан с поворотами в социальной ситуации развития и осознанием возрастных перестроек организма (Солдатова, 2007).

Для этих целей использовался целый психодиагностический комплекс, включающий стандартизированные и проективные методики, а также интервью (Баканова, Горьковая, 2014). Изучение роли религиозности (в частности, христианства) в переживании страха смерти было одной из частных задач. Поэтому для данной публикации сформулируем *цель исследования* следующим образом: изучить взаимосвязь христианской самоидентификации и осознаваемых компонентов страха смерти у мужчин и женщин в различные периоды зрелого возраста.

В исследовании приняло участие 118 человек, из них 84 женщины и 34 мужчины. По возрасту группы распределились следующим образом: в возрасте от 40 до 50 лет (первая возрастная группа) – 60 человек (средний возраст 44,95 лет), от 51 до 65 лет (вторая возрастная группа) – 58 человек (средний возраст 57,2 года). Имели высшее образование 80 % участников, 70 % состояли в браке, 93 % имели одного или более детей.

По отношению к религии 118 участников исследования результаты ответа на этот вопрос распределились следующим образом: «христианство» – 48 человек (41 %), «верующий, но не религиозный» – 49 человек (42 %), «атеизм» – 7 человек (6 %), «агностицизм» – 4 человека (3 %), другие конфессии – 5 человек (4 %), другие варианты ответа – 5 человек (4 %). В своем исследовании мы выбрали признак «христианство» для сравнения с другими вариантами ответов. Среди тех, кто отнес себя к христианам, 37 женщин и 11 мужчин; из них 27 человек относятся к первой возрастной группе, 21 – ко второй. Стоит отметить, что в данном исследовании участники могли выбрать лишь конфессию, без указания направления внутри нее.

Для иллюстрации результатов в соответствии с целью публикации остановимся на представлении полученных данных по двум методам: стандартизированной методике «Страх личной смерти» и феноменологическом интервью. Так, осознаваемые компоненты страха смерти исследовались при помощи опросника «Страх личной смерти», разработанного В. Флориан и Ш. Кравеци

адаптированного К.А. Чистопольской, С.Н. Ениколоповым, А.В. Бадалян, С.А. Саркисовым (2012). В данной методике шкалы объединяются в три измерения страха смерти: внутриличностное – «Последствия для личности», «Последствия для тела», «Последствия для личных стремлений»; межличностное – «Последствия для семьи и друзей», «Страх потери социальной идентичности или страх забвения»; надличностное – «Трансцендентные последствия».

Для изучения отношения к смерти, в том числе особенностей переживания страха смерти и способов совладания с ним, использовалось феноменологическое интервью, в котором участники описывали актуальный этап своего жизненного пути, рассказывали об основных кризисных ситуациях и способах их преодоления, делились своими представлениями о смерти, в том числе на разных возрастных этапах, а также вспоминали различные ситуации столкновения со смертью и страхом смерти, анализируя способы переживания этих ситуаций и совладания с ними.

Вопросы феноменологического интервью предполагают последовательное расспрашивание человека о каком-то аспекте жизнедеятельности и позволяют максимально детализировано описать его переживания. В контексте феноменологического интервью вопросы носят описательную и вспомогательную функцию и не имеют оценочного характера. Обработка полученных в ходе феноменологического интервью результатов предполагает выделение основных смысловых блоков и в качестве результата – описание психологических характеристик субъективных значений опыта (Улановский, 2007). Вопросы звучали следующим образом: «Вспомните, пожалуйста, несколько значимых для вас ситуаций столкновения со смертью. Расскажите о них. Что вы чувствовали в этих ситуациях? Какими способами вы справлялись в этих ситуациях со своими переживаниями? Какие мысли, действия, способы выражения эмоций были наиболее эффективными?»

Можно отметить, что проведение интервью и тестирования занимало в среднем от 1,5 до 2,5 часов. Несмотря на то что интервью носило полуструктурированный характер и не предполагало прямых вопросов о роли религиозности в отношении к смерти (за исключением вопроса о религиозной самоидентификации), тем не менее рефлексия своего отношения к жизни и смерти часто затрагивала тему религии, особенно при ответах на вопросы о способах совладания со страхом смерти.

Для обработки полученных данных применялся *U*-критерий Манна – Уитни, корреляционный анализ Пирсона и феноменологический анализ интервью. Некоторые результаты приведены нами также в другой публикации (Баканова, 2016).

Результаты и обсуждение

Страх смерти и христианское учение

Корреляционный анализ показал, что общий уровень страха смерти ($r = 0,22$; $p < 0,05$), а также шкала «Последствия для личных стремлений» ($r = 0,23$; $p < 0,05$) положительно взаимосвязаны именно с христианской самоидентификацией, в отличие от таких вариантов религиозной идентичности, как «атеизм», «агностицизм» и даже «верующий, но не религиозный», которые

вообще не имеют значимых взаимосвязей со шкалами осознаваемого страха смерти. Эти результаты могут говорить о том, что у людей зрелого возраста осознаваемый страх смерти и, в частности, страх исключения из процесса жизни, разрушения планов и замыслов коррелирует с христианской самоидентификацией. Интересно в этой связи, что принадлежность к другим конфессиям (иудаизм, буддизм и ислам) имеет в нашем исследовании отрицательные взаимосвязи как с общим уровнем страха смерти ($r = -0,23$; $p < 0,05$), так и со шкалой «Последствия для личности» ($r = -0,22$; $p < 0,05$). Из-за малочисленности представителей этих конфессий в нашей выборке мы не можем в рамках данного исследования провести «межконфессиональный» сравнительный анализ, однако полученные результаты представляются нам интересными и во многом совпадающими с уже имеющейся эмпирикой. Такое «особое положение» христианства на шкале страха смерти отмечается и в других исследованиях (например, Гаврилова, 2001). Оно может говорить как об особом взгляде христианства на смерть, который, возможно, затрудняет фасилитирующее воздействие этого учения на переживание страха личной смерти, так и о специфических психологических характеристиках людей, выбравших христианство в качестве своей религиозной идентичности.

Особенности страха смерти у христиан

Рассмотрим результаты сравнительного анализа различных компонентов страха смерти у мужчин и женщин 40–65 лет в зависимости от их религиозной идентичности. Так как нормативных значений по методике «Страх смерти» для изучаемого возрастного диапазона в русскоязычной литературе нет, приведем описательную статистику по данной методике (табл. 1).

В табл. 2 представлены результаты сравнительного анализа по критерию религиозной идентичности: сравниваются результаты по методике «Страх смерти» у тех, кто выбрал ответ «христианство», с другими вариантами ответов.

Как видно из представленных данных, люди зрелого возраста с христианской самоидентификацией демонстрируют более высокий уровень страха смерти по сравнению с людьми, относящими себя к другим вариантам религиозной идентичности и, в частности, имеют более выраженный страх смерти в связи с исключением из процесса жизни (шкала «Последствия для личных стремлений»), а также из-за неизвестности, которая ждет их после смерти (шкала «Трансцендентные последствия»). Можно предположить, что эти страхи объединяет страх небытия: смерть в этом случае воспринимается как отрыв от привычной жизни без каких-либо ответов на вопросы о возможности последующего существования. Примечательно, что в данном случае религия не дает определенности в посмертном существовании, тем самым не снижая осознанный страх перед смертью.

Рассмотрим далее различия в страхе смерти у мужчин и женщин (табл. 3). Сравнивая между собой женщин с христианской и другими религиозными идентичностями, мы не обнаружили значимых различий в осознаваемых компонентах страха смерти. Это может говорить о том, что у женщин страх смерти в меньшей степени подвержен «влиянию религии», чем у мужчин, выступая относительно устойчивой характеристикой. В качестве гипотезы можно предположить, что выбор христианской идентичности у мужчин и

женщин определяется разными мотивами, что требует дополнительных исследований: возможно, страх смерти является более вероятным пусковым механизмом для выбора христианской религиозной идентичности у мужчин; женщины же больше ждут от религии утешения в мирских заботах, нежели инструментов для совладания со страхом смерти.

Таблица 1 / Table 1

Средние и стандартные отклонения по методике «Страх смерти» для мужчин и женщин в возрасте от 40 до 65 лет / Mean and standard deviations according to the Personal Death Fear Scale for men and women aged 40–65

Шкалы методики «Страх смерти» / Personal Death Fear Scale	Мужчины / Men, n = 34		Женщины / Women, n = 84		Мужчины и женщины в возрасте 40–50 лет / Men and women aged 40–50, n = 60		Мужчины и женщины в возрасте 51–65 лет / Men and women aged 51–65, n = 58		Мужчины и женщины в возрасте 40–65 лет / Men and women aged 40–65, n = 118	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Сумма / Total scores	117,1	40,0	122,6	40,61	119,1	42,0	122,9	38,81	121,0	40,3
Последствия для личности / Personal Consequence	3,90	1,69	4,00	1,61	3,87	1,58	4,07	1,68	3,97	1,63
Последствия для тела / Body Consequence	2,86	1,75	3,51	1,82	3,24	1,89	3,41	1,74	3,32	1,81
Последствия для личных стремлений / Personal Aspiration Consequence	4,49	1,82	4,62	1,75	4,39	1,92	4,78	1,57	4,58	1,76
Трансцендентные последствия / Transcendent Consequence	3,65	2,10	4,34	2,22	4,35	2,22	3,92	2,18	4,14	2,20
Последствия для близких / Social and Family Consequence	4,61	1,59	4,27	1,53	4,45	1,53	4,28	1,58	4,37	1,55
Страх забвения / Oblivion Fear	2,27	1,12	2,08	1,24	1,98	1,15	2,30	1,25	2,14	1,20

Таблица 2 / Table 2

Значимые различия осознаваемых компонентов страха смерти в зрелом возрасте в зависимости от религиозной идентичности (по методике «Страх личной смерти») / Significant differences in the conscious components of the fear of death in adulthood depending on religious identity (according to the Personal Death Fear Scale)

Религиозная идентичность / Religious identity, n = 118		U-критерий / Mann – Whitney U test	Уровень значимости / p-level
Христианство / Christianity, n = 48	Другие ответы / Other answers, n = 70		
Среднее и стандартное отклонение / Mean and Standard Deviation	Среднее и стандартное отклонение / Mean and Standard Deviation		
Сумма по всем шкалам методики «Страх смерти» / Total scores on the Personal Death Fear Scale			
130,2 ± 36,41	114,7 ± 41,9	1324,0	0,04
Шкала «Последствия для личных стремлений» / Personal Aspiration Consequence Scale			
5,04 ± 1,65	4,27 ± 1,78	1233,0	0,01
Шкала «Трансцендентные последствия» / Transcendent Consequences Scale			
4,56 ± 1,98	3,85 ± 2,31	1368,0	0,04

Таблица 3 / Table 3

Значимые различия осознаваемых компонентов страха смерти у женщин и мужчин в зрелом возрасте в зависимости от религиозной идентичности (по методике «Страх личной смерти») / Significant differences in the conscious components of the fear of death in adult women and men depending on religious identity (according to the Personal Death Fear Scale)

Мужчины / Men		U-критерий / Mann – Whitney U test	Уровень значимости / p-level	Религиозная идентичность / Religious identity		U-критерий / Mann – Whitney U test	Уровень значимости / p-level
Религиозная идентичность / Religious identity				Христианство / Christianity			
Среднее и стандартное отклонение / Mean and Standard Deviation				Среднее и стандартное отклонение / Mean and Standard Deviation			
Другие ответы, n = 23	Христианство, n = 11			Женщины / Women, n = 37	Мужчины / Men, n = 11		
Шкала «Последствия для личных стремлений» / Personal Aspiration Consequence Scale							
3,87 ± 1,85	5,80 ± 0,84	52,0	0,006	–	–	–	–
Шкала «Последствия для личности» / Personal Consequence Scale							
3,55 ± 1,79	4,63 ± 1,24	78,0	0,04	–	–	–	–
Сумма по всем шкалам методики «Страх смерти» / Total scores on the Personal Death Fear Scale							
105,69 ± 41,5	141,0 ± 24,1	54,0	0,008	–	–	–	–
Шкала «Последствия для близких» / Social/Family Consequence Scale							
–	–	–	–	4,39 ± 1,38	5,18 ± 1,54	135,5	0,04

Как видно из табл. 3, мужчины с христианской самоидентификацией демонстрируют более высокий уровень страха смерти по сравнению с мужчинами, имеющими другие варианты религиозной идентичности, в том числе за счет двух шкал методики, относящихся к внутриличностному измерению: «Последствия для личности» и «Последствия для личных стремлений». То есть мужчины с христианской самоидентификацией боятся в смерти того, что они не смогут реализовывать жизненные цели, пропустят будущие события и жизнь продолжится без них (последствия для личных стремлений), а также лишатся своего «я», способности творить, мыслить и испытывать удовольствия (последствия для личности). Возможно, страх уничтожения в смерти собственной личности заставляет мужчин искать спасения в религии, но из результатов снова видно, что обращенность в сторону христианства не помогает мужчинам зрелого возраста справиться со страхом смерти.

Также в табл. 3 мы сравнили между собой мужчин и женщин с христианской самоидентификацией. Как видно из результатов, в страхе смерти их отличает только одно: более выраженный у мужчин страх, связанный с последствиями их смерти для семьи и друзей. Этот компонент страха смерти обозначает опасения, что личная смерть будет болезненно воспринята близкими людьми, которые будут продолжать нуждаться в ком-то, кто бы обеспечивал их жизнь. Примечательно, что при сравнении мужчин и женщин с другими выборами религиозной идентичности значимых различий в страхе смерти у них выявлено не было. Такие результаты позволяют предположить не только о различных мотивах выбора христианства у мужчин и женщин и большей уязвимости мужчин перед лицом смерти, но также о различных жизненных ценностях, утрачиваемых мужчинами и женщинами вместе со смертью, представляя собой аксиологический аспект изучения страха смерти (Баканова, 2015).

Рассмотрим теперь возрастной аспект осознаваемых компонентов страха смерти у христиан (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Значимые различия осознаваемых компонентов страха смерти в разных периодах зрелого возраста в зависимости от религиозной идентичности (по методике «Страх личной смерти») / Significant differences in the conscious components of the fear of death in different periods of adulthood depending on religious identity (according to the Personal Death Fear Scale)

Младше 50 лет / Under 50 years		U-критерий / Mann – Whitney U test	Уровень значимости / p-level	Старше 51 года / Over 51 years		U-критерий / Mann – Whitney U test	Уровень значимости / p-level
Религиозная идентичность / Religious identity				Христианство / Christianity			
Среднее и стандартное отклонение / Mean and Standard Deviation				Среднее и стандартное отклонение / Mean and Standard Deviation			
Другие ответы, n = 33	Христианство, n = 27			Женщины / Women, n = 37	Мужчины / Men, n = 21		
Шкала «Последствия для личных стремлений» / Personal Aspiration Consequence Scale							
4,08 ± 1,91	4,78 ± 1,90	328,5	0,04	4,44 ± 1,66	5,37 ± 1,2	260,0	0,03
Шкала «Последствия для тела» / Body Consequence Scale							
–	–	–	–	3,04 ± 1,68	4,05 ± 1,69	250,5	0,02
Сумма по всем шкалам методики «Страх смерти» / Total scores on the Personal Death Fear Scale							
–	–	–	–	115,72 ± 40,94	135,6 ± 31,76	278,0	0,04

Как видно из табл. 4, в возрасте до 50 лет смерть пугает своими последствиями для личных стремлений («жизнь продолжится без меня»), а после 51 года усиливается также страх последствий для тела («я потеряю человеческий облик») и выраженность страха смерти в целом. При этом значимых различий по страху смерти между людьми разных возрастных групп (до 50 и после 51 года) с христианской самоидентификацией не обнаружено. Не обнаружено значимых различий по страху смерти и у тех представителей разных возрастных групп, кто выбрал другую религиозную идентичность. Поэтому, рассматривая возрастной аспект осознаваемых компонентов страха смерти у зрелых людей с христианской самоидентификацией, можно увидеть не столько нарастание страха смерти, сколько изменения в его структуре с возрастом. И так как возраст после 55 лет связан с осознанием возрастных перестроек в организме, то страх смерти, предположительно, также отражает эту обеспокоенность происходящими в теле изменениями. «Примеривание» смерти в возрасте 51–65 лет людьми с христианской самоидентификацией заметно усиливает тревогу от потери своего физического и психологического Я, субъективный центр тяжести страха смерти прочно закрепляется на личностном уровне. По нашим данным, возрастной этап от 51 до 65 лет оказывается в целом более чувствительным к процессу постепенного «выпадения из потока жизненных событий» (Горьковая, Баканова, 2014), однако у тех, кто отнес себя к христианам, этот процесс оказывается более заметным.

С одной стороны, можно предположить, что изменения, происходящие в переживании страха смерти в периодах 40–50 и 51–65 лет обусловлены по большей части именно возрастными изменениями, но, с другой стороны, из данных табл. 4 мы видим, что христианская самоидентификация играет здесь

существенную роль, усиливая все компоненты страха смерти. Поэтому можно предположить, что тот или иной возрастной этап – это общий фон, сцена, на которой разворачивается драма жизни, и для лиц с христианской самоидентификацией эта драма может усугубляться отсутствием ответов на вопросы о приближающемся будущем: посмертной судьбе, страшном суде, возможном наказании и др.

Таким образом, наши данные также показывают, что соотношение религиозности и страха смерти не является линейным. Эта идея об отсутствии линейной связи между религиозностью и страхом смерти, графически отраженная Д.М. Рогозиным в его статье «Социология смерти» (2013), подводит к идее о том, что религиозность в целом и христианское вероисповедание в частности не являются феноменами «плоскими» и «однородными по содержанию», представляя собой квинтэссенцию достаточно сложного и многоуровневого мировоззренческого выбора. Используя в психологических исследованиях признак «вероисповедание» с социологических или статистических подходов, можно в лучшем случае констатировать наличие или отсутствие каких-то взаимосвязей, не проникнув при этом в более глубокий психологический, экзистенциальный и духовный контекст. Как пишет Д.М. Рогозин, «простая переменная религиозности не может предсказывать наличие или отсутствие страха» (Рогозин, 2013).

Поэтому опишем некоторые идеи относительно роли христианской самоидентификации в системе отношения к жизни и смерти, сделанные на основе феноменологического анализа интервью.

Христианская самоидентификация в системе отношений людей зрелого возраста к жизни и смерти

Анализируя ответы людей зрелого возраста на вопросы интервью, мы обратили внимание, что для некоторой части людей зрелого возраста христианство (в частности, православие) выступает как часть российской (национальной) идентичности. То есть человек, идентифицирующий себя с христианином, отражает тем самым не столько религиозный аспект своего мировоззрения, сколько национальный. Возможно, это примеры той самой внешней религиозности, о которой писал в свое время Г. Олпорт. На такой вывод нас натолкнуло сопоставление анкет и результатов интервью: так, например, в анкете человек выбирал свою религиозную самоидентификацию как «христианство», но в процессе интервью ни разу не упоминал о своей вере, религиозных ритуалах и т. п., полностью осмысляя свой жизненный путь вне религиозного контекста. Эти ответы значительно отличались от ответов глубоко верующих, которые практически на каждый вопрос интервью отвечали сквозь призму своих религиозных взглядов и отношений с Богом, предъявляя свою веру как терминальную ценность.

Некоторое подтверждение этой идеи можно найти также в том факте, что при заполнении анкеты участники нашего исследования, выбравшие ответ «христианство» на вопрос о вероисповедании, в 3 случаях из 48 выбирали также такой вариант, как «верующий, но не религиозный».

Как нам кажется, это может быть существенный аспект для понимания результатов исследования: возможно, люди зрелого возраста с внутренней

(духовной) религиозной ориентацией (по Г. Олпорту), для которых религиозность основана не на одобряемой социальной установке, а на глубокой духовной потребности, показали бы иное отношение к страху смерти.

Второе наблюдение, которое можно сделать по результатам знакомства с интервью – это упоминание о своей религиозной идентичности в контексте стратегий совладания с различными кризисными ситуациями, в том числе ситуациями столкновения со смертью. Примечательно, что религиозность в этом случае стоит в одном ряду с другими способами, помогающими человеку справиться с различными кризисными переживаниями: «...увлеклась шитьем, посещаю церковь, развожу цветы, принимаю успокоительные» (женщина, 61 г.). Религиозность в данном случае выступает как значимая копинг-стратегия и инструментальный мотив выбора религиозной самоидентификации. Религиозные ритуалы в этих случаях являлись эффективными способами переживания кризисной ситуации или горя: «Невроз, связанный с гибелью матери (в 38 лет) и зятя (в 43 года), лечила в санатории, читала философские книги; помогала баптистская вера. После внезапной смерти мужа (в 52 года) ушла от баптистов, с головой погрузилась в православие, посещала церковь, беседовала с бабушкой, ходила на церковные службы, исповедь, причастие. Кризис зрелого возраста (55–60 лет) помогает пережить чтение православной литературы, церковь, исповедь бабушке. Стала христианкой (женщина, 61 г.)».

Прикладные функции религиозности отражаются также в таких высказываниях участников, как «опираюсь на помощь Бога», «помогает вера в Его милосердие», что свидетельствует, на наш взгляд, о потребности человека обращаться во время кризисной ситуации за помощью к ресурсам, субъективно более могущественным, чем собственные. Такое представление о человеке как о части системы, имеющей иерархическую структуру, позволяет при решении жизненных задач задействовать не только свой потенциал, но и ресурс надсистемы, что значительно расширяет возможности и субъективно повышает вероятность более эффективного совладания.

И, наконец, третье наблюдение, важное для иллюстрации нашей темы: знакомясь с представлениями о смерти и посмертии тех, кто идентифицирует себя с христианским вероисповеданием, заметно, что они, скорее эклектичны, нежели догматичны. Из интервью видно, что в индивидуальном религиозном мировоззрении христианские представления о рае и аде («Человек живет один раз, после смерти он попадает в ад или рай», женщина, 61 г.) могут соседствовать с учениями других религий (например, о карме: «остается нечто, что имеет признаки индивидуальности и кармические программы», мужчина, 42 г.), современными знаниями (например: «смерть – это путешествие души в космических пространствах», женщина, 44 г.), а также отражать отсутствие выраженной позиции, опосредованное, например, сомнениями в традиционных христианских учениях или попытками «дополнить» их в соответствии со своими научными, религиозными, философскими или житейскими взглядами (например: «Человек умер, похоронили и все. Предполагаю, что загробной жизни нет», женщина, 49 лет; «Куда-то душа улетает, покидает тело; что потом, как потом – не знаю», женщина, 59 лет; «Существование продолжается, только непонятно, где и как», мужчина, 43 г.).

Результаты интервью показывают, что в высказываниях тех, кто относит себя к верующим, христианские ритуалы могут соседствовать с буддистскими представлениями о карме или перерождении, а также с научными знаниями о космосе, клинической смерти или строении головного мозга. На этот факт указывают и современные социологические исследования религиозности. Так, по словам С.В. Рязановой и А.В. Михалевой, в настоящее время «характерно размывание границ, отделяющих религию от других способов мировосприятия. Будучи подверженной интенсивному влиянию светской культуры, религия усиливает свою универсальность, что достигается за счет модернизации вероучения и культовой практики» (Рязанова, Михалева, 2011). Этот факт приводит к тому, что в религиоведении появилась такая категория, как «новая религиозность» (Рязанова, Михалева, 2011). В настоящее время появился даже термин «религиозный бриколаж» – «способ формирования религиозных образов, идей, представлений и религиозных практик из доступных в данный момент индивиду компонентов различных религий, эзотерических учений, философских и научных концепций, основанный на деинституционализации и свободном конструировании моделей верований» (Гаврилова, 2020).

В целом знакомство с ответами людей зрелого возраста на вопросы интервью показывает, что изначальный посыл о фасилитации религией страха смерти может быть обоснованным на общетеоретическом (культурологическом, философском и др.) уровне, а на уровне феноменологии мы можем видеть, что выбор христианского мировоззрения часто призван решать не столько проблему страха перед личной смертью, сколько совершенно конкретные психологические проблемы и затруднения, и в первую очередь он может быть связан с поиском дополнительных ресурсов для совладания с трудными жизненными ситуациями (горем, предательством близких людей, возрастными и экзистенциальными кризисами, духовными исканиями). Религиозные ритуалы в этом случае усиливают чувство безопасности, дают психологическую поддержку, позволяют справиться с тягостными переживаниями.

Также анализ интервью показывает, что роль религиозной идентичности в осмыслении жизненного пути (в том числе отношений в системе «жизнь – смерть») не является однородной, а тесным образом связана с ожиданиями личности от принятия религиозного (в данном случае – христианского) мировоззрения. Поэтому и интерпретация связи христианского вероисповедания с высоким уровнем страха смерти должна вестись с позиций понимания религиозности не столько как социологического признака («верующий – неверующий»), сколько как глубоко психологического, мировоззренческого, содержащего внутри себя сложную систему мотивационно-смысловых установок, которые могут оказывать существенное влияние как на отношение к жизни и религии, так и на отношение к смерти.

В целом, как пишут Г.Ю. Фоменко и Ю.И. Мошкович, «ценностно-смысловые ориентации конкретной личности могут быть не столь системными, как это иногда постулируется психологической наукой, а представлять собой достаточно сложный синкрет разнонаправленных тенденций, в той или иной степени приближающихся к структурной организации» (Фоменко,

Мошковиц, 2013). Поэтому, когда мы пытаемся исследовать связь религиозности со страхом смерти, стоит иметь в виду, что религиозность является достаточно сложным для эмпирического исследования феноменом, включающим не только религиозную и конфессиональную самоидентификацию человека, но также религиозные мотивы, направленность, поведение, степень религиозности, мировоззренческие представления и т. д.

Таким образом, сочетание трех переменных, выявленных в интервью, – религиозной ориентации (внешней или внутренней), мотива выбора религиозной идентичности (преимущественно копингового) и представлений о смерти (часто эклектичных) – может не только дополнительно характеризовать выборку, принявшую участие в исследовании, и тем самым учитываться при интерпретации значимо высокого страха смерти у людей с христианской самоидентификацией, но и рассматриваться в качестве значимого аспекта конструкта религиозности в дальнейших психологических исследованиях.

Заключение

Ответ на вопрос о том, почему осознаваемый страх личной смерти достоверно выше у людей с христианской самоидентификацией, может находиться в системе ожиданий от данного религиозного мировоззрения, основанной предположительно на поиске способов преодоления страха перед смертью Другого, нежели перед собственной смертью. Исследование позволяет предположить, что христианская самоидентификация в зрелом возрасте выступает в большей степени как способ совладания с трудными жизненными ситуациями, а не с осознаваемым страхом личной смерти. Поэтому для того, чтобы более точно объяснить связь христианства с высоким уровнем страха смерти, необходимо в исследовании учитывать не столько бинарный признак «верующий – неверующий», сколько ту роль, которую выполняет религиозное мировоззрение в осмыслении человеком своего жизненного пути.

Стоит сказать также об **ограничениях** данного исследования, среди которых можно выделить четыре основных: этическое, социально-демографическое, статистическое и методическое. Этическое ограничение связано с тем, что отношение к смерти мы можем исследовать только у тех респондентов, которые согласились принять участие в подобном исследовании и готовы обсуждать тему смерти. По нашим наблюдениям, количество отказов от участия в подобных исследованиях увеличивается пропорционально возрасту респондентов и значительно выше у мужчин, чем у женщин (Баканова, Горьковская, 2014). Социально-демографическое ограничение обусловлено проведением исследования среди респондентов с высшим образованием, проживающих преимущественно в городе-миллионнике. Статистическое ограничение связано с недостаточной для сравнительного анализа представленностью респондентов с различной конфессиональной принадлежностью. И, наконец, методическое ограничение вызвано малой изученностью психологических переменных, связанных с религиозностью, а также преобладанием изучения осознаваемых компонентов страха смерти.

Практическую значимость исследования мы видим не только в возможности использовать полученные данные в психологической помощи, связанной с экзистенциальными запросами. Сам характер исследования, включающий глубинное интервью, для многих респондентов носил фасилитирующий характер, помогая переосмыслить некоторые кризисные ситуации, в том числе связанные со смертью, а также систематизировать свои представления о жизни и смерти. Как сказал один участник (43 г.): «Для меня очевидно более ценным в нашей работе было само исследование, в процессе которого приходили неожиданные мысли, понимания, ассоциации, и вскрывались подознательные мотивы и проблемы, а не результаты тестов, которые были вполне ожидаемы и понятны».

Пытаясь осмыслить роль религиозности (и, в частности, христианской самоидентификации) в переживании страха смерти, можно сделать следующие **выводы**:

1. Осознаваемый страх смерти в зрелом возрасте положительно взаимосвязан с христианской самоидентификацией (в отличие, например, от такой самоидентификации, как «верующий, но не религиозный»), что может говорить о значимости как конфессиональной принадлежности в переживании страха смерти, так и психологических особенностей людей, выбирающих данную религиозную идентичность (например, их религиозная ориентация, мотивы ее выбора, представления о смерти и др.).

2. Люди зрелого возраста с христианской самоидентификацией демонстрируют более высокий уровень страха смерти, включая внутриличностное и надличностное измерение, совокупность которых можно описать как страх небытия – страх утраты своей личности наравне с неизвестностью после-смертия.

3. У мужчин, выбирающих христианскую самоидентификацию, оказываются более выраженными такие осознаваемые компоненты страха смерти, как страх последствий для личности и для личных стремлений, а по сравнению с женщинами – страх последствий личной смерти для близких, что может отражать не только различные аксиологические аспекты страха смерти, но и большую уязвимость мужчин перед ним.

4. Компоненты страха смерти у взрослых людей с христианской самоидентификацией имеют различия в зависимости от возраста: в возрасте 40–50 лет выраженным оказывается такой компонент страха смерти, как «Последствия для личных стремлений», а в возрастном периоде 51–65 лет – усиливается также страх последствий для тела, закрепляя тем самым центр тяжести страха смерти вокруг потери своего физического и психологического Я.

5. Выбор христианской самоидентификации может быть основан не столько на поиске системы взглядов на смерть (или формирования психологической готовности к личной смерти), сколько на потребности осмыслить свой жизненный путь и найти эффективные способы совладания с нормативными и ненормативными кризисами. Это значит, что ожидания от религии смещаются в сторону решения проблем, связанных по большей части с жизнью, а не со смертью, выполняя роль копинга. Такая «вторичность» решения танатических проблем в выборе христианской самоидентификации может приводить к более высокому осознаваемому страху смерти, что опо-

средовано подтверждается эклектичностью представлений о смерти и после-
смертии людей зрелого возраста с христианской самоидентификацией, при-
нявших участие в исследовании.

Список литературы

- Баканова А.А.* Религиозность как ресурс преодоления кризисных ситуаций и страха смерти в зрелом возрасте // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: материалы IV международной научной конференции (Кострома, 22–24 сентября 2016 г.): в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Т.Л. Крюкова, М.В. Сапорова, С.А. Хазова. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2016. С. 180–182.
- Баканова А.А.* Системное описание страха смерти // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 13–23. <https://doi.org/10.17759/chp.2015110103>
- Баканова А.А., Горьковая И.А.* Психология страха смерти: теория и практика: монография. СПб.: Изд-во РГПУ имени А.И. Герцена, 2014. 160 с.
- Бергсон А.* Два источника морали и религии / пер. с фр. яз., послесл., примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1994. 384 с.
- Борисов Н.А.* Социальные аспекты религиозных и атеистических представлений о смерти // Философия и культура. 2017. № 5. С. 98–109. <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2017.5.20329>
- Восковская Л.В.* Отношение к смерти религиозно-ориентированных лиц // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. № 10 (135). С. 160–168.
- Гаврилова Т.А.* Теория управления ужасом смерти: содержание и критика // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014. № 4 (18). С. 84–95.
- Гаврилова Ю.В., Жиронкина М.А.* Религии в условиях пандемии COVID-19: опыт России // Общество: философия, история, культура. 2020. № 6 (74). С. 36–40. <https://doi.org/10.24158/fik.2020.6.6>
- Гагарин А.С.* Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх (от античности до Нового времени): монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. 372 с.
- Горьковая И.А., Баканова А.А.* Осознаваемые компоненты страха смерти в зрелом возрасте // Вестник Ленинградского государственного областного университета имени А.И. Пушкина. 2014. Т. 5. № 3. С. 29–39.
- Грановская Р.М.* Психология веры. 2-е изд., перераб. СПб.: Питер, 2010. 480 с.
- Дмитриева П.Р.* Личностные детерминанты уровня страха смерти у взрослых // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 4 (37). С. 317–320. <https://doi.org/10.26140/anip-2021-1004-0074>
- Забелина Е.Ю., Феньвеш Т.А.* Отношение к смерти и религиозное сознание молодежи // Философская мысль. 2019. № 1. С. 70–76. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2019.1.28039>
- Карнаухов И.А.* Антропологическая картина посмертного существования в христианстве и исламе // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4. С. 95–102.
- Корнев С.А., Смирнов В.В.* Смысл жизни и страх смерти с точки зрения субъект-объектного подхода // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. Т. 24. № 3. С. 57–61.
- Ленько А.В., Скляднева В.В.* Социально-психологические аспекты научного понимания страха смерти и способы его преодоления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2021. Т. 7 (73). № 4. С. 122–131.
- Макарова О.А.* Сравнительный анализ отношения к смерти и посмертному состоянию в мировых религиях и иудаизме // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 2. С. 111–115.

- Никольская И.М., Грановская Р.М. Психология веры как основа кризисной психологической помощи в совладании с переживанием утраты // Вестник психотерапии. 2014. № 49 (54). С. 39–58.
- Олпорт Г. Личность в психологии. М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1998. 345 с.
- Рогозин Д.М. Социология смерти // Отечественные записки. 2013. № 5 (56). С. 109–118.
- Рязанова С.В., Михалева А.В. Феномен женской религиозности в постсоветском пространстве (региональный срез): монография. Пермь: Пермский государственный университет, 2011. 255 с.
- Сафин Р.Ш. Позитивное переформулирование как техника совладания со страхом смерти у практикующих мусульман // Казанский педагогический журнал. 2019. № 5 (136). С. 229–236. <https://doi.org/10.34772/KPJ.2019.136.5.009>
- Сафин Р.Ш. Философские и психологические аспекты отношения к смерти в исламе: осознание неотвратимости и преодоление страха // Minbar. Islamic Studies. 2019. Т. 12. № 2. С. 571–584. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-571-584>
- Солдатов А.В. Преодоление страха смерти в разных религиозных традициях // Отечественные записки. 2013. № 5 (56). С. 46–58.
- Солдатова Е.Л. Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 267 с.
- Солдатова Е.Л., Жукова Н.Ю. Теоретический обзор современных зарубежных исследований отношения к смерти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2018. Т. 11. № 3. С. 13–23. <https://doi.org/10.14529/psy180302>
- Улановский А.М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 130–150.
- Фейфел Г. Смерть – релевантная переменная в психологии // Экзистенциальная психология / под ред. Р. Мэя.; пер. с англ. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. М.: Апфель Пресс, Эксмо-Пресс, 2001. С. 49–58.
- Фоменко Г.Ю., Мошкович Ю.И. Осмысление отношения к смерти представителями религиозной и нерелигиозной молодежи в ракурсе проблем психологической безопасности личности // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 4–2 (28). С. 75–80.
- Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Бадалян А.В., Саркисов С.А. Адаптация методик исследования отношения к смерти у людей в остром постсуициде и в относительном психологическом благополучии // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. Т. 22. № 2. С. 35–42.
- Щебетенко С.А. Социальные эффекты страха смерти: защитный механизм или когнитивная нагрузка? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. № 3 (3). С. 52–58.
- Юнг К.Г. Аналитическая психология: ее теория и практика: Тавистокские лекции / пер. с нем. В. Зеленского. СПб.: Азбука-классика, 2007. 236 с.
- Юревич А.В. Психологические аспекты отношения к смерти // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 1. С. 123–132.
- Яблоков И.Н. Понятие и функции религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. Т. 29. № 1. С. 204–211.
- Ellis L., Wahab E.A. Religiosity and fear of death: a theory-oriented review of the empirical literature // Review of Religious Research. 2013. Vol. 55. No 1. Pp. 149–189. <https://doi.org/10.1007/s13644-012-0064-3>
- Nelson L.D., Cantrell C.H. Religiosity and death anxiety: a multi-dimensional analysis // Review of Religious Research. 1980. Vol. 21. No 2. Pp. 148–157. <https://doi.org/10.2307/3509880>
- Wong P.T. Meaning management theory and death acceptance // Existential and spiritual issues in death attitudes / ed. by A. Tomer, G.T. Eliason, P.T. Wong. New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. Pp. 65–87.
- Wong P.T.P., Reker G.T., Gesser G. Death attitude profile-revised: a multidimensional measure of attitudes toward death // Death anxiety handbook: research, instrumentation, and application / ed. by R.A. Neimeyer. New York: Taylor & Francis, 1994. Pp. 121–148.

История статьи:

Поступила в редакцию 18 марта 2022 г.

Принята к печати 28 июля 2022 г.

Для цитирования:

Баканова А.А., Горьковская И.А. Страх смерти у людей зрелого возраста с христианской самоидентификацией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 3. С. 550–572. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-3-550-572>

Сведения об авторах:

Баканова Анастасия Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической психологии и психологической помощи, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0000-0001-5062-6210, eLIBRARY SPIN-код: 9813-5739. E-mail: ba2006@mail.ru

Горьковская Ирина Алексеевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психосоматики и психотерапии, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0000-0002-1488-4746, eLIBRARY SPIN-код: 1604-2157. E-mail: iralgork@mail.ru

DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-3-550-572

Research article

Fear of Death in People of Mature Age with Christian Self-Identification

Anastasia A. Bakanova¹, Irina A. Gorkovaya²

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia,
48 Naberezhnaya Reki Moiki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

² St. Petersburg State Pediatric Medical University,
2 Litovskaya St, St. Petersburg, 194100, Russian Federation

 ba2006@mail.ru

Abstract. One of the most important functions of religion is to fill the deficits in the existence of human society, among which an important place is occupied by the awareness of human mortality. According to psychological theories, religion often appears as one of the adaptive strategies that alleviate the fear of death. However, both domestic and foreign empirical studies of the relationship between religiosity and the severity of the fear of death lead to contradictory results, which is associated with the need to take into account a large number of variables in such studies, as well as a non-linear relationship between religion and the fear of death. The authors have made an attempt to study the relationship between Christian self-identification with the conscious components of the fear of death in 118 men and women at different periods of adulthood (40–50 and 51–65 years). The conscious components of the fear of death were assessed on the Personal Death Fear Scale, and attitudes toward death (in particular, the features of experiencing the fear of death and ways to cope with it) were identified in phenomenological interviews. The data were processed using

Mann – Whitney *U* test, correlation analysis, and phenomenological analysis of interviews. The study has shown that Christian religious self-identification in adulthood is positively correlated with the conscious fear of death, and also has age and gender specificity. In general, it is concluded that, in order to explain the relationship between Christian self-identification and the conscious fear of death, it is necessary to analyze the role that the religious worldview plays in people's understanding of their life path. Based on the results of the study, it can be assumed that the leading motive in choosing a Christian worldview is not so much overcoming the fear of personal death as the search for effective ways to cope with difficult life situations. That is why Christian self-identification does not contribute to reducing the fear of personal death, responding to a greater extent to other motives related to the need to “cope with life.” To sum up, the authors show that religiosity is not a universal tool that can unequivocally reduce the fear of death.

Key words: religious identity, Christianity, fear of death, conscious components, coping

Acknowledgements and Funding. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 13-06-00574, “The Role of Lucid and Non-lucid Components of the Fear of Death in the Experience of the Period of Middle Adulthood”).

References

- Allport, G.W. (1998) *The person in psychology: Selected essays*. Moscow: KSP+ Publ.; St. Petersburg: Yuventa Publ. (In Russ.)
- Bakanova, A.A. (2015). Fear of death: A systemic description. *Cultural-Historical Psychology*, 11(1), 13–23. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2015110103>
- Bakanova, A.A. (2016). Religiosity as a coping resource for crisis situations and fear of death in the middle age. *Psychology of Stress and Coping Behavior: Resources, Health, Development: Conference Proceedings* (pp. 180–182). Kostroma: KSU Publ. (In Russ.)
- Bakanova, A.A., & Gorkovaya, I.A. (2014). *Psychology of fear of death: Theory and practice*. St. Petersburg: Herzen University. (In Russ.)
- Bergson, H. (1994). *Les Deux Sources de la morale et de la religion*. Moscow: Kanon Publ. (In Russ.)
- Borisov, N.A. (2017). Social aspects of religious and atheistic ideas about death. *Philosophy and Culture*, (5), 98–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2017.5.20329>
- Chistopolskaya, K.A., Enikolopov, S.N., Badalyan, A.V., & Sarkisov S.A. (2012). Adaptation of the attitude to death and fear of death assessment techniques for the healthy individuals and those in acute post-suicidal condition in a Russian sample. *Social and Clinical Psychiatry*, 22(2), 35–42. (In Russ.)
- Dmitrieva, P.R. (2021). Personal determinants of death fear level in adults. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 10(4), 317–320. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/anip-2021-1004-0074>
- Ellis, L., & Wahab, E.A. (2013). Religiosity and fear of death: A theory-oriented review of the empirical literature. *Review of Religious Research*, 55(1), 149–189. <https://doi.org/10.1007/s13644-012-0064-3>
- Feifel, H. (2001). Death: Relevant variable in psychology. In R. May (Ed.), *Existential Psychology* (pp. 49–58). Moscow: Aprel' Press, Eksmo-Press. (In Russ.)
- Fomenko, G.Yu., & Moshkovich, J.I. (2013). Interpreting the relationship with death in religious and non-religious youth from the perspective of the psychological safety of the self. *Izvestiya Sochinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, (4–2), 75–80. (In Russ.)
- Gagarin, A.S. (2001). *Existentials of human existence: Loneliness, death, fear (from antiquity to modern times)*. Yekaterinburg: UrFU Publ. (In Russ.)
- Gavrilova, T.A. (2014). Terror management theory: Content and criticism. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*, (4), 84–95. (In Russ.)

- Gavrilova, Yu.V., & Zhironkina, M.A. (2020). Religions in the context of the COVID-19 pandemic: Russia's experience. *Society: Philosophy, History, Culture*, (6), 36–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/fik.2020.6.6>
- Gorkovaya, I.A., & Bakanova, A.A. (2014). Apprehended components of the fear of death in adulthood. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 5(3), 29–39. (In Russ.)
- Granovskaya, R.M. (2010). *Psychology of faith*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Jung, C.G. (2007). *Über Grundlagen der analytischen Psychologie: Die Tavistock Lectures*. St. Petersburg: Azbuka-Klassika Publ. (In Russ.)
- Karnaukhov, I.A. (2013). Anthropological picture of postmortal existence in Christianity and Islam. *The Humanities and Social Sciences*, (4), 95–102. (In Russ.)
- Kornev, S.A., & Smirnov, V.V. (2018). Meaning of life and fear of death in terms of subject-object approach. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 24(3), 57–61. (In Russ.)
- Lenko, A.V., & Sklyadnaya, V.V. (2021). Social and psychological aspects of the scientific understanding of the fear of death and the means of overcoming it. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 7(4), 122–131. (In Russ.)
- Makarova, O.A. (2014). Comparative analysis of the world's religions and Judaism. *Vestnik of Kostroma State University*, 20(2), 111–115. (In Russ.)
- Nelson, L.D., & Cantrell, C.H. (1980). Religiosity and death anxiety: A multi-dimensional analysis. *Review of Religious Research*, 21(2), 148–157. <https://doi.org/10.2307/3509880>
- Nikolskaya, I.M., & Granovskaya, R.M. (2014). Psychology of faith as the basis for crisis psychological assistance in coping with bereavement. *Bulletin of Psychotherapy*, (49), 39–58. (In Russ.)
- Rogozin, D.M. (2013). Sociology of death. *Otechestvennye Zapiski*, (5), 109–118. (In Russ.)
- Ryazanova, S.V., & Mikhaleva, A.V. (2011). *The phenomenon of female religiosity in the post-Soviet space (regional section)*. Perm: Perm State University. (In Russ.)
- Safin, R. (2019b). Positive reformulation as a strategy of coping with the fear of death in practicing Muslims. *Kazan Pedagogical Journal*, (5), 229–236. (In Russ.) <https://doi.org/10.34772/KPJ.2019.136.5.009>
- Safin, R.Sh. (2019a). Philosophical and psychological aspects of the attitude to death in Islam. The awareness of the inevitability of death and ways of overcoming the fear. *Minbar. Islamic Studies*, 12(2), 571–584. (In Russ.) <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2019-12-2-571-584>
- Shchebetenko, S.A. (2010). Social effects of mortality salience: Defence mechanism or cognitive load? *Perm University Herald. Series: Philosophy. Psychology. Sociology*, (3), 52–58. (In Russ.)
- Soldatov, A. (2013). Overcoming the fear of death in various religious traditions. *Otechestvennye Zapiski*, (5), 46–58. (In Russ.)
- Soldatova, E.L. (2007). *Structure and dynamics of the normative crisis of transition to adulthood*. Chelyabinsk: South Ural State University. (In Russ.)
- Soldatova, E.L., & Zhukova, N.Yu. (2018). Theoretical review of modern foreign studies of attitude towards death. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*, 11(3), 13–23. (In Russ.) <https://doi.org/10.14529/psy180302>
- Ulanovsky, A.M. (2007). Phenological method in psychology, psychiatry and psychotherapy. *Methodology and History of Psychology*, 2(1), 130–150. (In Russ.)
- Voskovskaya, L.V. (2012). Relation to death of religious-oriented people. *Izvestiya SFedU. Engineering Sciences*, (10), 160–168. (In Russ.)
- Wong, P.T. (2007). Meaning management theory and death acceptance. In A. Tomer, G.T. Eliason & P.T. Wong. *Existential and Spiritual Issues in Death Attitudes* (pp. 65–87). New York: Lawrence Erlbaum Associates.
- Wong, P.T.P., Reker, G.T., & Gesser, G. (1994). Death attitude profile-revised: A multidimensional measure of attitudes toward death. In R.A. Neimeyer (Ed.), *Death Anxiety*

Handbook: Research, Instrumentation, and Application (pp. 121–148). New York: Taylor & Francis.

- Yablokov, I.N. (2011). The concept and functions of religion. *State, Religion, Church in Russia and Abroad*, 29(1), 204–211. (In Russ.)
- Yurevich, A.V. (2018). Psychological aspects of the attitude to death. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, (1), 123–132. (In Russ.)
- Zabelina, E.Y., & Fenvesh, T.A. (2019). Attitude to death and religious consciousness of the youth. *Philosophical thought*, (1), 70–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2019.1.28039>

Article history:

Received 18 March 2022

Revised 24 July 2022

Accepted 28 July 2022

For citation:

Bakanova, A.A., & Gorkovaya, I.A. (2022). Fear of death in people of mature age with Christian self-identification. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 19(3), 550–572. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-3-550-572>

Bio notes:

Anastasia A. Bakanova, PhD in Psychology, is Assistant Professor of Department of Clinical Psychology and Psychological Aid, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia). ORCID: 0000-0001-5062-6210, eLIBRARY SPIN-code: 9813-5739. E-mail: ba2006@mail.ru

Irina A. Gorkovaya, PhD in Psychology, Full Professor, is Head of Department of Psychosomatics and Psychotherapy, St. Petersburg State Pediatric Medical University (St. Petersburg, Russia). ORCID: 0000-0002-1488-4746, eLIBRARY SPIN-code: 1604-2157. E-mail: iralgork@mail.ru